

Бекмуратов А.Б.

**ТҮРКІ ӘЛЕМІНІҢ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ-МӘДЕНИЕТТАНУЛЫҚ
КОНЦЕПЦИЯСЫ АЯСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚТЫҢ ДӘСТҮРЛІ
МӘДЕНИӘЛЕУМЕТТІК РЕАЛДЫЛЫҒЫ**

Бекмуратов А.Б.

**ТРАДИЦИОННАЯ КАЗАХСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА**

A.B. Bekmuratov

**TRADITIONAL KAZAKH SOCIOCULTURAL REALITY
IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL AND CULTURAL
CONCEPT OF THE TURKIC WORLD**

УДК: 101.8:316.3:7(574/575)

Мақалада мәдени-тарихи өлшемдегі қазақ дәстүрлі мәдени-әлеуметтік реалдылығының орны мен мәртебесіне арналған әлеуметтік-философиялық зерттеу жүргізіледі. Бұл жерде дәстүрлі қоғам мен мәдениет ежелгілердің сакралды-синкреттік тәжірибесінің нәтижесінде туған интерсубъективті феномен тұрғысында қарастырылып отыр. Бірлескен қызмет барысындағы мәдени-әлеуметтік болмыстың құбылдарына икемді болып келген қазақтардың қоғамдық өмірінің қалыптасуы мен дамуы сипатталады. Орта-Азиялық әлемге үйлесімді және сонының қатар үндесті болған біртұтас құрылым ретіндегі қазақтың дәстүрлі мәдени-әлеуметтік реалдылығын қайта жаңғыртуға дисциплинааралық тәсілдеме, қазіргі заманның философиялық және ғылыми парадигмалары мен экстраполяциялау тәсілінің қолданылуы қол жеткізіп отыр. Осының арқасында, тек өткеннің ғана емес, болашақтың да аясында көкейтестілігі бар түркі мәдениеті тарихының маңызды беті толықтырылып отыр. Мақалада кешенді философиялық-мәдениеттанулық-дінтанулық негізде белгілі философ-шығыстанушы-тәңіртанушы Н.Ғ. Аюпов тұрғыдан түркілік мәдениәлеуметтік реалдылықты кезеңдеу тәсілі кеңінен қолданылып, тұтас қазақ мәдениетінің, біртұтас қазақтың мәдениәлеуметтік реалдылықтың қалыптасуы мен дамуының тарихи белестері жаңғыртылады. Автордың дәлелдеуінше, дәстүрлер ел тарихының әртүрлі дербес кезеңдерін жанды түрде біріктіріп, олардың әрқайсысының осы бір тұтастықтың айнымас бөлігі болатыны туралы ой қорытады.

Негизгі сөздер: мәдениет, өнер, мәдениәлеуметтік реалдылық, қазақ дәстүрлі қоғамы, түркі мәдениеті.

В статье осуществлено социально-философское осмысление места и статуса казахской традиционной социокультурной реальности в культурно-историческом измерении. Традиционное общество и культура освещаются как интерсубъективный феномен, созданный древними в результате сакрально-синкретической практики. Прослежены этапы становления и развития общественной жизни казахов, оказавшейся пластичной к трансформациям

социокультурного бытия. Применение междисциплинарного подхода, современных философско-научных парадигм и метода экстраполяции позволяет реконструировать казахскую традиционную социокультурную реальность как целостную структуру, оказавшуюся созвучной Центрально-Азиатскому миру. Тем самым восполнена важная страница тюркской культурной истории, актуальная не только в контексте прошлого, но и будущего. В статье широко используется периодизация истории тюркской социокультурной реальности, разработанной известным философ-востоковедом-тенгриеведом Н.Г. Аюповым на основе комплексной философско-культуролого-религиоведческой методологии, основываясь на которую автор стремится воспроизвести этапы становления и развития казахской культуры, казахской социокультурной реальности в целом. Автором обоснован важный вывод о том, что традиции скрепляют в живое единство различные периоды истории страны, каждый из которых является вполне самостоятельным и самоценным, и вместе с тем служит основой для следующего периода, представляя неотъемлемую часть целостности.

Ключевые слова: культура, искусство, социокультурная реальность, казахское традиционное общество, тюркская культура.

In article, a social-philosophical conceptualizing of the traditional sociocultural reality place and status is carrying out in cultural and historical dimension. In same time the traditional society and culture is lighting like intersubjective phenomenon which is creating by Ancients as result of sacral and syncretic practice. Traced, how in process of the joint activity is flowing the formation and development of the Kazakh's social life, which appeared flexible to transformation of sociocultural being. The using of the cross-disciplinary approach, modern philosophical and scientific paradigms and extrapolation method is allows to reconstruct the Kazakh traditional sociocultural reality as complete structure, which appeared adaptive and, at the same time, conformable to the Central Asian world. Thereby the important page of Turkic cultural history, which is actual not only in the context of the past, but also the future, is filled. The article

widely uses the periodization of the history of the Turkic sociocultural reality developed by the renowned oriental-philosopher, tengrilogist N.G. Ayupov. The author substantiates the important conclusion that traditions fasten the various periods of the country's history into living unity, each of which is completely independent and self-valuable, and at the same time serves as the basis for the next period, representing an integral part of integrity.

Key words: culture, art, sociocultural reality, kazakh traditional society, turkic culture.

Изучение традиционного общества и его культуры в их целостности представляет собою актуальную проблему, имеющую дискуссионный характер. Подобное положение обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего речь идет о недостаточной разработанности темы как предмета социально-философского исследования. Особенно это относится к определению традиционного общества, согласно которому оно относится к доиндустриальной стадии развития человечества, где «строгое соблюдение традиционных норм поведения, исключаящих индивидуальную свободу личности» [1, с. 724], считается главной его отличительной чертой. Нетрудно заметить, что подобная трактовка фактически низводит традиционное общество до уровня чего-то полностью изжитого, с чем можно расстаться без всякого сожаления, а потому малозначительного с точки зрения будущности, и тем самым как бы навсегда обрывается преемственная связь с ним.

Во-вторых, общество и культура, как справедливо замечает российский исследователь Э.А. Орлова, чаще всего «рассматривались по отдельности и в рамках разных наук», чем и обусловлено, на наш взгляд, недостаточная изученность механизмов их взаимного влияния, их взаимодействия в реальной общественно-исторической обстановке. Этот автор по этой причине прибегает к помощи понятия «социокультурная реальность», пытаясь тем самым преодолеть наметившийся разрыв между «социальным» и «культурным» ипостасями, взятыми в их изолированности [2,3,4]. Это понятие имеет то преимущество, что оно схватывает единство двух сторон (и социального, и культурного) в их взаимосвязи и взаимообусловленности, и тем самым глубже выражает онтологические определенности изучаемого предмета, заставляя исследователя обратиться всецело к самой реальности, к раскрытию полноты ее сущностных характеристик как таковых. Как нам представляется, это понятие займет свое место в ряду таких общефилософских категорий, какими являются понятия социокультурной детерминации, социокультурной трансформации, социокультурной модернизации, социокультурной динамики и др., призванных выразить

процессуальные аспекты функционирования общества и его культуры в их взаимосвязи. В отличие от них данное понятие акцентирует онтологические, сущностно-бытийные срезы общественной жизни человека в ее целостности.

В-третьих, ракурс исследования предполагает привлечение данных исторической науки Казахстана, в которой вследствие кардинально изменившейся социально-политической ситуации на общем ранее постсоветском пространстве были по-новому истолкованы многие события и процессы истории страны. Следует здесь отметить, что по истории казахской культуры, о значимости культурного наследия и его будущности, о соотношении традиций и инноваций в историко-культурном процессе, о непреходящих ценностях культуры и искусства Казахстана имеется богатая литература [5,6,7,8], хотя, к сожалению, исследований по традиционной казахской социокультурной реальности в их социально-философской заостренности нами не обнаружено. Некоторое исключение составляют две работы, одна из которых монография Ж.О. Артыкпаева, посвященная анализу казахского общества XIX столетия в плане соотношения традиций и инноваций в нём. Автор, изучая традиционное устройство общественной жизни в контексте номадической концепции, делает глубокие выводы о территориальных представлениях казахов, об их отношении к родной земле, о тех проблемах, которые возникли в результате царской колониальной политики, связанной с внедрением нового административно-территориального порядка, что впоследствии обернулось массовой гибелью казахов в 20-30-ые годы XX в. в результате страшного голодомора. Ученый приходит к выводам, представляющим определенный интерес в плане социокультурных штудий: «Именно это противостояние, - замечает он, - различных социальных институтов, представляющих, с одной стороны, колониальные нововведения, с другой - традиционные институты, предоставляют исследователю более отчетливую возможность выделить структуру традиционной культуры» [9, с. 242].

Не менее значима, на наш взгляд, интересная во многих отношениях, насыщенная философско-культурологическим подтекстом монография известного историка А.И. Оразбаевой, посвященная изучению особенностей цивилизационного развития номадов, где автор стремится раскрыть социокультурные грани традиционного общественно-исторического бытия казахов в XV-XVII вв. [10]. Все эти исследования так или иначе помогут нам овладеть историко-культурным материалом для их дальнейшего социально-философского анализа.

Философское осмысление традиционной казахской социокультурной реальности как историко-культурного процесса предполагает применение адекватной методологии, в связи с чем мы обратились к синтетической философско-культуролого-религиоведческой концепции, разработанной известным философом-религиоведом Н.Г. Аюповым [11] и представляющей огромный интерес для всех, кто интересуется историей и культурой народов Центральной Азии, в том числе казахского народа как полноправного представителя тюркоязычных народов.

Исходя из изложенного выше, целью данной статьи является социально-философское осмысление традиционной казахской социокультурной реальности как историко-культурного процесса, анализ становления и развития традиционной жизни казахского общества в контексте философско-социокультурного подхода и означенной культурфилософской концепции тюркского мира.

Глубоко проанализировав имеющиеся подходы, Н.Г. Аюпов обосновывает оригинальную периодизацию истории становления и развития культуры тюркских народов Центральной Азии, восходящую к VI тысячелетию до н.э. Тем самым, по оценкам профессора М.Сабита, он показал, что существовал «огромный мир древнетюркских народов *со своей самобытной культурой, религией, принципами государственного управления*, сыгравший в истории человечества значительную роль как особое звено, связующее Восток и Запад» [12, с. 93].

Историю тюркской культуры он начинает, следуя идеям А. Вебера и К. Ясперса, с великого переселения кочевых народов Центральной Азии: «Этот период, - пишет Н.Г. Аюпов, - и является первым периодом развития тюркской культуры: VI-I тысячелетия до н.э. – культура прототюркских арийских племен» [13, с. 97]. Можно сказать, что в этот период в глубинах истории имеет место энтропийный по сути процесс образования прототюркской культуры.

Второй период - культура Турана охватывает VIII-III века до н.э. Здесь происходило «дальнейшее разделение единой центрально-азиатской культуры». Он озаглавлен тем, что целостная культурная общность распадается на три «самостоятельные культуры со своей спецификой и особенностями». Это – иранская, индийская и тюркская культуры, определявшие, как замечает автор, «дальнейшее формирование своих религиозных систем». Носителями тюркской культуры, еще раз подчеркивает ученый, «стали центрально-азиатские арийские племена, которые остались в пределах тюркского мира, на просторах от Европы до Китая» [13, с. 107].

Следует обратить внимание на то, что Н.Г. Аюпов стремится воспроизвести логику формирования и развития Центрально-Азиатской культуры в целом, составные элементы которой вызревают изнутри этой исходной социокультурной целостности в полном согласии с пространственно-временными событиями рядами общественно-исторической жизни складывающихся этно-национальных общностей. Эта целостность, первоначально стихийно сложившаяся, диффузная, неопределившаяся, постепенно растекается по огромной территории Центральной Азии, начинают определяться контуры этих общностей и их государственных образований, идет естественно-исторический процесс дифференциации исходной целостности. Так появляется на свет примерно к началу первого тысячелетия до н.э., собственно тюркская культура наряду с иранской и индийской, которые также исторически оформились к этому времени. Следовательно, с этого времени берет свое начало тюркский мир и его культура, носителями которой являются центрально-азиатские арийские племена. Появление гуннского крыла тюркской культуры наряду с туранским составляет содержание третьего периода (III в. до н.э. - V в. н.э.).

Проследивая сложный процесс культурно-исторической эволюции тюркского мира, он последовательно различает всего одиннадцать периодов, из которых наибольший интерес для нас представляет восьмой период – период культуры тюркских ханств (XVI-XVII века н.э.), когда, наконец, появляется на свет казахское ханство (в середине XV в.). Все предшествующие периоды (с четвертого по седьмой), когда сменяя друг друга на исторической арене появлялись культуры тюркских каганатов (VI-VIII вв.), караханидов (IX-XI вв.), тюрко-монгольской эпохи (XII-XIII вв.) и империи Тимура (XIV-XV вв.), можно объединить, на наш взгляд, под условным названием «период протоказахской культуры», подразумевая при этом то, что в течении этого времени (с III в. до н.э. - по XVI в. н.э.) в составе тюркского мира имели место такие события социально-политического и культурно-исторического характера, которые способствовали зарождению исходной казахской государственности в лице Казахского ханства под предводительством Керей и Жанибека, следовательно и казахской культуры как таковой. Именно в этот длительный протоказахский период сложилась родоплеменная структура казахского народа, политическая воля которого прорвалась к свету бытия в середине XVI в. В этот период в результате сложнейших этнополитических и этнокультурных взаимодействий происходило формирование и других среднеазиатских народов с их культурами.

В XVI-XVII вв. казахское ханство значительно расширяет свою территорию, растет численность населения, укрепляется властная вертикаль ханов и биев, которые устанавливают дипломатические отношения с соседними государствами, а казахские сарбазы во главе с батырами оттачивают свои воинские навыки в постоянных сражениях с внешними врагами, притязавшими на казахские земли. Развиваются казахский язык, фольклор, поэзия, архитектура, различные виды прикладного искусства, народная музыка, айтыс и т.д. В творчестве акынов и жырау, «степных философов», по определению Ч.Ч. Валиханова, сказываются народные чаяния, формируется духовно-душевная сфера бытия казахов, развиваются их философско-мировоззренческие устои. Так формируется традиционная казахская культура во всем своем многообразии, закладывая фундамент величественного здания народной духовно-нравственной жизни, отвечающей всем запросам социокультурной реальности того времени.

Возникает снова и снова проблема преемственности в развитии культуры: ведь традиционная казахская культура в свою очередь является наследником общетюркской культуры, всех тех сокровищ, которые сохранились в недрах казахской земли, а также тех, которые издавна транслируются и трансформируются устно и письменно, хранятся в подземных и надземных хранилищах. Эти несметные богатства материальной и духовной культуры так или иначе модернизируются, обогащаясь новыми смыслами и значениями в соответствии с потребностями и запросами новой социокультурной реальности, культурные пласты как бы наслаиваются друг на друга, одухотворяются, возрождаются, сообщая животворящие импульсы жизнедеятельности все новых поколений. Об этом свидетельствуют, например, данные археологических раскопок на территории Казахстана и прилегающих районов, сокровища ботайцев, андроновцев и бегазы-дандыбаевцев, петроглифы Мангышлака, «Золотой человек» из Иссык-Кургана (их ныне насчитывается несколько) и много других артефактов высшей категории по международным стандартам. Все это и многое другое в их совокупности составляет «основу самобытной культуры, не утратившей свою целостность, единство и непрерывность вплоть до новейшего периода своей истории», - пишет историк А.И. Оразбаева [10, с. 183], рассматривая казахскую традиционную культуру как наследницу цивилизации кочевников евразийских степей.

Богатство сокровищ традиционной культуры, в том числе традиционного прикладного искусства, уже выявленных на территории Казахстана, поражает воображение. Представление возникает такое, будто

бы казахская земля является кладью неисчислимых рукотворных шедевров, загадочным образом раскинутых пластами в пространстве и времени, объемлющем трехтысячелетние события в жизни предков на земных просторах от Алтая до Волги, от западно-сибирских окраин до южных границ современного Казахстана. Современный Казахстан является наследником такого духовного-эстетического богатства, выдвигающего нашу страну в ряд самых продвинутых в художественно-эстетическом плане. Если Казахстан занимает шестое место по богатству своих недр (где щедро представлена, можно сказать, вся таблица Менделеева), девятое – по территории, то по показателям духовно-эстетического наследия мы, надо полагать, входим также в ряды вполне состоятельных стран мира.

В кочевой цивилизации материальная и духовная культура слиты воедино настолько, что их разделение в традиционных обществах, фактически «неприемлемо», так как любой предмет культуры (скажем, юрта) полон сакрально-символического смысла и назначения, пронизан духовно-эстетической значимостью и, наоборот, изустные творения акынов и жырау, песни и музыкальные толгау казахских композиторов, айтыс как форма состязания-диалога и т.д. наполнены жизненным, собственно бытийным смыслом, к тому же всё это живое действо сопровождается, как обычно, соответствующим материально-предметным воплощением (киіз үй, домбыра, национальная одежда, «крылатые кони», кумыс и другие шедевры национальной кухни и т.д.). А.И. Оразбаева обоснованно считает, что именно в субцивилизации казахов представлены наиболее полно культурно-цивилизационные особенности кочевого образа жизни, и приводя богатый набор их конкретных проявлений: «төрт түлік мал», «мүшел», используемые в прикладном искусстве узоры и орнаменты («қошқар мүйіз», «бөрі құлақ»), «жеті қазына», надгробные каменные сооружения («таңбалы тас», «балбал тас», «қойтас»), «саятшылық», «кие», «құн», «қалың мал», «жүт», «сауын», «барымта» и др., приходит к выводу о том, что вся повседневная социокультурная жизнь казахов пронизана сутью и смыслом кочевничества, как системообразующего начала. По-своему оригинально ставится и решается этим автором и вопрос о самобытности культуры отдельных этносов, их образа жизни в составе тюркского мира как целого: «Самобытность кроется, - пишет она, - в специфике развития указанных признаков этнической идентичности» [10, с.195]. Все тюркские народы едины в их целостности, в их цивилизационной принадлежности, вместе с тем каждый этнос имеет свою историю, свой язык, свою тер-

риторию, свою государственность со всеми вытекающими отсюда особенностями. Следовательно, тюркский мир представляет своеобразное единство многообразного, воплощенное единство общего, особенного и единичного в культурно-цивилизационных и социально-исторических процессах, имевших место быть на огромных просторах Великой Степи.

Казахский народ является одним из достойных наследников кочевой цивилизации по всем ее параметрам и критериям, продолжателем ее традиций, бережно сохраняющим все её сокровища и вносящим свой посильный вклад в ее современные творения, отличающиеся неповторимыми самобытными чертами и национальными формой и содержанием. «... Вершиной, а может быть в известной мере историческим основанием кочевой цивилизации были достижения в духовно-мировоззренческой сфере, - ответственно заявляет известный казахский философ А. Х. Касымжанов. – Свидетельство тому – высокая художественная традиция, именуемая как традиция «искусства звериного стиля» [8, с. 139].

Важнейшим, быть может решающим аргументом в пользу обоснования самобытности традиционной казахской культуры в целом, прикладного искусства в том числе, является кроме всего прочего аргумент национальной государственной власти, выражающей общую волю и чаяния народа, той социально-политической силы, которая лелеет народные таланты, бережет и приумножает народные сокровища, предпринимает все меры по их сохранности и дальнейшему развитию. С возникновением в середине XV в. Казахского ханства все это громадное наследие обрело своего владельца в лице казахского народа и его национального государства, который по-настоящему заботится о благе народа и его будущем, обустривая не только экономическую и политическую, но и социокультурную жизнь страны. Возникновение этого суверенного государственно-правового начала является поворотным пунктом, началом всех начал в летописи казахской истории и культуры. Именно оно является гарантом самобытности традиционной казахской культуры, национально-культурной идентичности казахского народа, его свободы.

Таким образом, обобщая данные историко-этнографического, искусствоведческого и цивилизационного анализа, можно делать вывод о том, что вплоть до середины XIX столетия в традиционной казахской культуре отстаивались исходные бытийно-ценностные основания общетюркской кочевой цивилизации в собственном казахском национально-государственном преломлении.

В девятый (начало XVIII - начало XX столетий) и десятый (советский) периоды, по характеристике

Н.Г. Аюпова, тюркская культура в целом, и казахская – в том числе, испытывала жесткие притеснения, оказалась в условиях зависимого существования («мункарраза»), сначала колониальной зависимости от царской России, а затем тоталитарной зависимости от идеологического диктата коммунистического режима СССР. Все ценности традиционной социокультурной реальности, традиционного казахского общества и его культуры были отринуты напрочь, все устои той прошлой жизни отброшены, все должно было подчиняться и служить коммунистическим идеалам, и хотя это коснулось всех республик и народов Союза без исключения, последствия этого своеобразного социального эксперимента оказались неимоверно тяжелыми особенно для Казахстана, для казахского народа по ряду причин, в том числе социокультурной обусловленности. Союзное коммунистическое руководство продолжило по сути колониальную политику царской России различными методами, все более внедряясь в глубины казахских земель в годы коллективизации, индустриализации, освоения целины и тому подобных кампаний под прикрытием социалистических лозунгов о пролетарском интернационализме, о дружбе и братстве народов, о развитом социализме и т.д. Казахстан, находясь в подбрюшьи России, с которой имел общую границу огромной протяженности, представлял для советской России большой стратегический интерес и с опережающими темпами использовались все его ресурсы в общесоюзных целях (по имеющимся данным всего 7% ВВП использовались для нужд самой республики, а всё остальные 93% - на общие нужды). Казахстан превращался во всесоюзную житницу, из которой выжимались все соки, здесь проводились испытания атомно-ядерных вооружений, отсюда же отправлялись космические ракеты, несмотря на экологические бедствия угрожающих масштабов. Одним словом, проводилась далеко рассчитанная, чуждая по духу традиционной казахской социокультурной реальности колониально-русофикационная политика, едва не закончившаяся исчезновением казахской нации, ее языка и культуры. Советская социалистическая социокультурная реальность, несмотря на наличие определенных прогрессистских нововведений, связанных с общим историческим ходом культурно-цивилизационных явлений в мире (переход к оседлому образу жизни, индустриализация, развитие науки и техники и т.д.), оказалась неспособной к действительной гармонизации межнациональных отношений, взаимодействия разнородных культур и цивилизаций, объединенных под эгидой союзного государства. Деградация экономики, политики, идеологии и культуры, несмотря на высокие цели и идеалы, предполагавшие всестороннее развитие

человека, общества и культуры, привела в конечном счете к распаду Союза и исчезновению соответствующей советской социокультурной реальности. Начинается эра независимости, которая и составляет заключительный (одиннадцатый) период развития культуры тюркоязычных народов Центральной Азии, оказавшихся волею судьбы в одних и тех же незавидных исторических условиях.

Преодоление последствий зависимого существования, длившегося в общей сложности около трехсот лет, требует огромных усилий, мобилизации всех физических и духовных сил каждого из тюркоязычных народов, а также объединения сил и возможностей братских народов и их государств, чтобы возродить былое величие общетюркского мира с благородной целью внести достойный вклад в торжество мира во всем мире, в решение всех возникающих глобальных проблем человечества. А это возможно только в том случае, когда каждый народ будет стремиться к возрождению своей культуры и ее всестороннему развитию, чтобы «войти в мировое культурное пространство, занять в нем достойное место» [11, с. 132]. А это означает, по сути, вновь занять место опосредующего звена между двумя крайними полюсами человеческой культуры, чтобы помочь избежать миру тех возможных катастроф, которые по предсказанию ряда видных философов, культурологов и политиков, могут возникнуть в результате столкновения цивилизаций Востока и Запада.

За годы независимости в Казахстане предпринимались определенные шаги в направлении возрождения культурных традиций (государственная программа «Культурное наследие», меры по модернизации общественного сознания, развитию казахского языка и т.д.), но они, к сожалению, не всегда достигали желаемой цели. Не всегда учитывалось то, что сфера культуры, образования, науки и здравоохранения, сфера социокультурной жизни страны нуждается в постоянной заботе и поддержке со стороны государства.

Необходимо четкое уяснение того неопровержимого обстоятельства, что возрождение национальной культуры требует прежде всего возврата к своим истокам, к национальным ее корням, к исторически оправдавшим себя традициям, их возрождения в первую очередь, но возрождения не механического, не в ретроградных намерениях предаваться воспоминаниям о былом величии и слепо топтаться на месте, а чтобы уверенно двигаться вперед и ввысь, имея за собой твердую опору в лице этих традиций, конституирующих национально-этническую и культурно-цивилизационную идентичность. Следует, по-видимому, учесть, что казахская традиционная социокультурная

реальность, хотя и сложилась к XVIII в., в силу ряда исторических, социально-политических обстоятельств, как известно, не смогла раскрыть всех своих потенций. К тому же переходы к индустриальной стадии общественного развития ей приходилось совершать не путем естественной социокультурной трансформации с сохранением национального кода культуры, а насильственными способами крушения всего национально особенного. Известное советское кредо о культуре «социалистической по содержанию, национальной по форме» служило фактически целям принижения и постепенного уничтожения национальных культур. Если царскую колонизацию можно объяснить как закономерное проявление наступления эпохи мирового капитализма, а также если учесть, что кочевой образ жизни изжил свое историческое время пребывания, то следует признать, что традиционное общество должно было уступить свое место новой социокультурной реальности, индустриальному обществу со строю с развитой промышленностью, опирающейся на достижения науки и техники. Но то, что случилось, скажем, с казахским традиционным обществом и его культурой, в особенности в советское время, вряд ли возможно оправдать. Единственным лучом надежды, промелькнувшим в эту пору, можно воспринять идеи и дела партии «Алаш» и ее лидеров (А. Бокейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова), отстаивавших возможность создания суверенного казахского государства нового типа (хотя бы в составе Союза), которое бы отвечало всем требованиям наступающей эпохи и вместе с тем сохранило и преумножило бы исходные ценностные приоритеты традиционной культуры, отвечающие духовным запросам современности и способствующие продвижению вперед по пути независимости к вершинам мировой культуры и человеческого достоинства, не теряя своей национально-культурной идентичности.

Несмотря на трагические перипетии исторической судьбы и существенную трансформацию хозяйственно-культурного типа, народ не утратил глубинные мировоззренческие основания и ценностный смысл традиционной социокультурной реальности. Подобное оказалось возможным потому, что традиция играла роль стабилизирующего фактора в условиях изменяющейся социальной жизни. Она оказалась столь жизнеспособной, что нашла отражение во внешнеполитической концепции современного Казахстана. Наряду с «траст» (доверие), «транспаренси» (транспарентность) и «толеранс» (толерантность) древняя и вместе с тем вечная «традишин» (традиция) составила девиз председательства Казахстана в ОБСЕ. На этих же принципах (4Т) базируется «Доктрина национального единства» [14].

Обобщая, можно отметить, что традиция оказалась для мира казахов сердцевинной, удерживающей ее в культуре и истории. "Связывая" народ «прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола, традиция открывает ему перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого» [15, с. 725].

Литература:

1. Терешкович П.В. Традиционное общество // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. - Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с. - С. 724.
2. Орлова Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1(2).
3. Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН. Под ред. Ю.М. Резника. - М.: Институт философии РАН.
4. Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. - 500 с. - С. 160-175.
5. Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, 1998.
6. Казахи. Историко-этнографическое исследование. - А., 1995.
7. История казахского искусства. Том 1. Древний период. А., 2011. - Том 2. Средневековый период. - А., 2012.
8. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. - А., 2001.
9. Артыкпаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. - Астана: Парасат әлемі, 2003. - 290 с.
10. Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. - Алматы, 2005. - 310 с.
11. Аюпов Н.Г. 2012. Тенгрианство как открытое мировоззрение. Монография: - Алматы: КазНПУ им.Абая, издательство «КИЕ», 2012. - 256 с.
12. Сабит М. Человек. Ученый. Педагог (к творческой биографии профессора Н.Г. Аюпова) // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции. - Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. - 142 с. - С. 91-93.
13. Касымжанов А.Х. Пространство и время великих традиций. - Алматы, 2011. - 301 с.
14. Казахская культура. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%E7%E0%F5%F1%EA%E0%FF_%EA%F3%EB%FC%F2%F3%F0%E0.
15. Абушенко В.Л. Традиция // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. - Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с. - С. 724-726.